

Дмитрий
Арбузов

Уральская
Обь

Дмитрий В. Арбузов

Уральская Обь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16901830
Уральская Обь / Арбузов Д.В.: Пробел-2000; Москва; 2007
ISBN 978-5-98604-088-0

Аннотация

Эта книга не только о путешествии по нашей с Вами славной стране – России. Прежде всего, она о людях, испокон веку кочующих по тайге, о необозримых северных просторах, о подвигах геологов – сегодня уже истории. А ещё эта книга о человеческом духе, об огромной пропасти, пролегающей между серыми городскими буднями и природными красотами, о необходимости единства человека и природы: книга-переживание и книга-размышление. Написанная живым, глубоко метафоричным языком она не оставляет никого равнодушным. Два человека, следуя внезапному порыву к свободе, вознамерились преодолеть большое расстояние по самым ненаселённым областям Европейской части России без особой цели, решив просто посмотреть дикую природу, даже не представляя, на сколько это рискованное предприятие повлияет на их жизнь. Два месяца они блуждали по тайге и горам без ружья, связи, с небольшим запасом провианта, переживали все прелести

кочевой жизни, пока однажды не осознали, к чему стремятся на самом деле. И тогда... Для широкого круга читателей.

Содержание

Часть 1	7
Один день на север, тридцать дней на юг	7
Прости меня, мама!	16
Дорога в никуда	25
На грани возможного	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Арбузов

Уральская Обь

Фотографии, стихи, рисунки, дизайн автора Редактор Левина Елизавета

Я уже тоскую
по тебе, тайга.
Мне бы жизнь такую
где одна варга.
Где не умолкает
колокольцев бег.
И так быстро тает
среди июля снег.

Я б тогда потуже
тасмой пояс стянул
И с собакой дружной
в даль седую шагнул,
Где себя, словно птица,
я оставил впрок.
Куда должен явиться
в срок.

Часть 1

На Кожым

Один день на север, тридцать дней на юг

За окном сплошное безлесье. Только редкие берёзки и ивовый кустарник торчат по ложбинам да по краям водяных окон. Ещё встречаются ели – убогие на вид, будто с намеренно обрубленными ближе к вершинам ветвями. Проезжаем станции со странными наименованиями: «Бугры Полярные», «Песец», «Сивая Маска» какая-то. Дальше ожидаются названия ещё занятнее: «Чум», «Северное Сияние». Даже «Юнь-яга» есть. С началом неэлектрифицированной железной дороги число пассажиров в вагоне заметно убавилось. На станции Сейда мы сделали пересадку на ответвление «железки» в сторону Лабытнанги, и здесь стали встречаться люди в яркой национальной одежде. На Елецкой к нашему одинокому поезду – единственному прицепленному вагону – со стороны тундры подъехали гружёные деревянные нарты, запряжённые северными оленями. И их хозяева говорили на незнакомом нам языке. Изменился не только внешний вид, но и само отношение пассажиров к нашим персонам. Ес-

ли раньше большие экспедиционные рюкзаки не вызывали у людей особых симпатий, то теперь каждый, кому было недосуг, – а езда в поезде, как известно, сопряжена с известными трудностями ожидания, – норовил обязательно познакомиться с их хозяевами. Да и в целом редкие пассажиры вели разговор более оживлённый и дружественный, по сравнению с молчанием, воцарившимся, как сейчас помню, в переполненном составе на пути от Москвы к Ярославлю. Во всяком случае, различать стук колёс о рельсы я давно перестал, а понятия скуки для меня больше не существовало. К тому же, на подходе к Елецкому тундра расцвела во всей своей красе – запестрела зелёными, синими, фиолетовыми перемежающимися цветами. Исчезли не только последние деревья, но и высокий кустарник. Вместо них открылись нескончаемые пространства карликовой берёзки, иногда разделённые редкими возвышенностями, но, как правило, ровно простирающиеся до самого горизонта. Посреди этих пространств виднелись то чернеющие каркасы буровых вышек, подобные скелетам древних чудовищ, то мелькали подёрнутые сизой дымкой чумы. Вглядываясь в эти горизонты – буквально прилипнув к окну – я никак не мог отделаться от мысли, что являюсь главным героем фильма Джима Джармуша «Мертвец». Ещё вчера, можно сказать, моё мировоззрение простиралось не дальше МКАДа: Москва была центром мира, границы которого заканчиваются в районе кольцевой автодороги. Сегодня же всё резко переменялось. Я уже чувствовал,

что мои биологические часы начинают вести другой отсчёт, измерять время не минутами – днями; что мой организм в предчувствии иных, отличных от цивилизованной городской жизни условий начинает перестраиваться, как будто заранее знает, что за жизнь ожидает его впереди. «Что это?» – спрашиваю я себя. Опыт предыдущих путешествий или генетическая информация, до определённого времени сокрытая в глубине клеточного вещества и проявляющаяся только в экстремальных условиях? Иван Безруков, мой напарник по путешествию, только пожимает плечами. «Я ничего подобного не чувствую, – говорит он. – Разве что страх».

Я его понимаю. Страх перед неизвестностью, надо признаться, испытываю и я. Ведь задуманный нами маршрут будет проходить по самым ненаселённым областям Европейской части России. Ни связи, ни ружья, ни дополнительных продуктовых забросок, ни вообще какой-либо помощи со стороны. Двести пятьдесят километров по горам напрямую, неизвестная местность и отсутствие населённых пунктов на всём протяжении маршрута, с расчётом лишь на случайные встречи с людьми, удачную рыбалку и хорошую погоду – месяц автономного путешествия ожидает нас. И всё, что потребуется для жизни на этот месяц, мы должны унести с собой, предвидя любые случайности, не упустив ничего. Потому-то у меня в рюкзаке припрятаны даже запасные пряжки к нему, а билет на поезд я верчу в руках и не знаю, то ли оставить его в качестве закладки в будущий дневник, то ли

выбросить, потому что даже он, такая ничтожность, имеет свой вес. Горы уже близко, скоро выходить, и чувство страха постепенно нарастает. «Куда мы едем?» – задаюсь вопросом. Куда я увлѣк человека, который в горах то никогда не бывал и даже не имеет реального представления о предстоящих трудностях? Я отдаю себе отчёт, что действовать в подобных условиях, связанных с риском для жизни – сплошной авантюризм, и в голову закрадывается крамольная мысль: «Может, пока ещё не поздно, вернуться?»

Но конечно, это всего лишь блеф, и о возвращении не может быть и речи. Приблизившись к горам, поезд делает очередную остановку. «Следующая ваша – Полярный Урал», – предупреждает милашка-проводница, и мы сразу же начинаем увлечѣнно готовиться к выходу. Пара продолжительных, огибающих отроги поворотов узкоколейной железной дороги, проложенной всего каких-то пятьдесят лет назад, и всё – вот они, перед нами – горы, о которых мы мечтали так долго. Как-то не верится, что подниматься в них предстоит уже сегодня, буквально сейчас; что мечты способны так быстро осуществляться. Все пассажиры вагона желают нам удачи и прощаются с нами, кто-то даже помогает закинуть на плечи тяжѣлые рюкзаки и провожает до тамбура. Дизель резко тормозит и, задержавшись ровно настолько, чтобы выпустить двух человек, взревев облаком чѣрного дыма, снова начинает набирать ход. Пассажиры машут нам на прощание, поезд удаляется. Голову начинает кружить густой запах

тундры, настоящий на горном воздухе и волшебном духе трав. Вобрав полной грудью омывающий с головы до ног аромат путешественнической жизни, я почувствовал, как сердце моё замерло от чарующего восторга, и вдруг понял, что путешествия – *это навсегда*.

В Добрый Путь!
В сердце грусть
Расставания с домом,
И тревоги чуть-чуть
Перед всем незнакомым.

Но уляжется всё
На полях убеждений,
Когда вдруг занесёт
Тебя волей видений
В край безоблачных дней,
В мир забытых мечтаний,
К встречам новых друзей,
Мимолетных свиданий.

Так и будешь идти,
Есть к чему прикоснуться!
Но однажды домой
Вдруг потянет вернуться.
И вернешься – силен,
Будто с ветром братимый.
А когда он уйдёт,

Ты поймёшь ощутимо.

И потянет опять
Свить узор дальних странствий,
Вновь пустить время вспять,
Оказаться в прекрасном.
И не сможешь уснуть
Пред дорогою дальней
Сам себя в добрый путь
Окрыливший мечтами.

Ещё мгновение – и вокруг нас образуется строгая тишина. Горы южной части Полярного Урала, сверкающие острыми стальными гранями, темнеющие мрачными стенами каров – нишеобразными углублениями, врезанными в верхние части склонов гор, режущие взгляд белыми, простирающимися до подножий полосами снежников, – вот они, рядом; до них, как говорится, рукой подать. Прямо напротив станции притаилось зеленоватое горное озеро, низкие берега его украшены россыпями мелких и крупных, угловатых камней, по которым так легко перешагивать через многочисленные весенние ручьи. Да, время – конец июня, а здесь только наступила весна. По словам местных, ещё две недели назад в этих краях падал снег, а листьев на карликовой берёзке и вовсе не было. Миновав озеро, стали подниматься к истокам реки Сось по типичной каменистой горной тундре, а потом по появившейся из-за бугра дороге. Страха перед неиз-

вестностью как небывало, вокруг так красиво, что захватывает дух, а ноги сами с легкостью шагают вперёд в направлении перевала по некогда пробитой геологами вездеходке. Железнодорожное полотно и станция – три одиноких домика для путейцев вскоре остаются далеко внизу и становятся столь миниатюрными, что кажутся обманом зрения. Увы, всё людское по сравнению с идиллией природы именно таково, как эти домики-околотки, подобные нескольким крупным песчинкам, розно сгруппировавшимся посреди окружающего нас нескончаемого горного пространства, думаю я. И в моё настроение закрадываются ностальгические нотки. Станция «Полярный Урал» – это первый и последний оплот цивилизации в нашем длинном пути на юг.

Подъём на перевал с непривычки тяжёл. Если бы не вездеходная дорога, то его широкая седловина, представляющая собой сплошное нагромождение каменных глыб, преодолевалась бы с огромным трудом. На ночёвку встаём прямо у обочины, на более-менее ровном месте, отвоевав его у камней, с видом на истоки Соби. Костёр делаем из раскиданных повсюду дров – обломков досок, вагонки и даже шпал. Дорога, по которой мы взойшли на перевал, идёт с северо-востока, со стороны посёлка Полярный, известного своими геологоразведочными экспедициями в этих краях, ныне пребывающего на грани расформирования. В 70-х – 80-х годах XX века из Полярного проводилось интенсивное освоение близлежащих горных районов, поэтому валяющиеся на

высоте шестьсот метров шпалы – явление, можно сказать, заурядное. На это я, кстати, тоже рассчитывал, когда в последний момент отказался брать с собой примус, груз лишний. «Прорвёмся как-нибудь», – сказал тогда Ивану. Вместо примуса, на крайний случай, если будем вынуждены пережить длительную непогоду, мы захватили с собой орехи, дополнительное количество сухого молока, сахара и вермишель быстрого приготовления, извлечённую из дошираковских упаковок и сложенную в отдельный полиэтиленовый пакет. Всё это общим весом равноценно примусу, но, в отличие от последнего, более питательно и будет использовано без остатка. А воду, в случае необходимости, всегда можно подогреть под тентом, не вылезая из палатки, используя запасённую бересту и закопченную (чёрную) ёмкость. Вскипятить её, конечно же, не удастся, но довести до достаточной температуры, чтобы заварить вермишель или развести с сахаром молоко, то есть поужинать, вполне хватит.

– Что-то после такого подъёма с сорокапятикилограммовым рюкзаком за плечами и есть не хочется, – заявил Иван. Но мы всё равно перекусили – чаем с остатками прихваченной в поезд сгущёнки. Потом я ещё некоторое время сидел и смотрел на северо-восток, в сторону недавно скрывшегося солнца. Оно уже начинало подниматься заревом лимонного цвета почти оттуда же – из-за восточного чёрного гребня, вплотную подступившего колоссальными скалами, похожими на гигантские когти мифической птицы, к нашей, с тру-

дом растянутой на перевале палатке. Ни звёзд, ни темноты, только слегка лазурное задумчивое небо, неожиданно освободившееся от застенчивых облаков – вот и вся короткая, двухчасовой продолжительности, восхитительная ночь! Будто время вообще остановилось, наступил предел бесконечному развитию всего живого, а солнце, подчинённое букве ритуала, в благоговении замерло на одном месте. Что это? Шутка? Или я уже задремал, уставший с дороги, незаметно для себя соскользнув в сон? Ответом мне послужил пронзительный крик скопы, с золотистыми каплями солнечного света на размашистых крыльях парящей над вершинами гор, возвещающей, что новый день уже близок.

Прости меня, мама!

Сегодня больше молчу, потому что заметил, как взгляд мой на мир меняется – погрузился в себя. Достаточно было поспать на новом месте, чтобы это почувствовать. Пробуждение ото сна это маленькое рождение человека, момент воспоминания, когда ты взглянул на реальность впервые. Мы больше не живём в плоскостном мире и смотрим на всё иначе. Теперь с каждым наступающим днём, каким бы он ни был, мы будем уходить в горы всё дальше – туда, где пока что розовеют одни только контуры их.

Пути назад нет. С маршрута некуда сойти. На восток и на запад от Уральского хребта простирается сплошная тайга. От станции «Полярный Урал», последнего оплота цивилизации, в котором нет ни магазина, ни постоянных жителей, нас отделяет дневной переход, и это расстояние будет только нарастать. Путь, который предстоит проделать до реки Кожым, явно превысит двести пятьдесят километров, и я даже загадывать не хочу, какое расстояние мы преодолеем в конечном итоге. Главное – это не останавливаться и двигаться вперёд, хоть на шаг в день, стремясь к победному концу. Временами мне кажется, что мы сумасшедшие. И тогда внезапно меня охватывает смехок. Черт возьми, да мне всё это нравится!

– Дима, что с тобой? Уж не заболел ли? – спрашивает Иван. – Не удивлюсь.

Он тоже задумчив самого утра. Только один раз поинтересовался, поправляя съехавший на бок рюкзак, сколько нам вообще до Кожыма идти, и я не стал его расстраивать, ограничив всё той же цифрой, которой успокаиваю себя. Сам же подумал: «И я ведь родным ничего не сказал. Куда мы отправились, в какие места – это да, но что и как...» Не стал их пугать, чтобы не волновались излишне – недоговаривать часто бывает полезно, как и вообще нарушать любые правила. Лишь бы только с дорогами везло, да погода стояла хорошая, и поменьше низовой, буреломной тайги». И опять усмехаюсь себе: как обычно, слишком много хочется! Главное – это погода, солнце. Ветер с дождём здесь, или ориентирование в насевших на горы облаках, ничего хорошего не сулят. «Погоды не будет, всё остальные трудности цветочками покажутся, – подвёл я итог размышлениям, – Вот этими самыми, которые мы сейчас, не глядя, вдавливаем в грязь сапогами».

– Что ты там всё бормочешь себе под нос?

– Видно, пытаюсь научиться радоваться тому, что уже есть. Погодка то какая, а?

– Да, жара! Ветерка не было бы, и всё, – перевёл дыхание Иван. – Как в пустыне, только вместо песка голые камни. В жизни бы не подумал, что мы за Полярным Кругом. Настоящая пустыня!

– Ага, субарктическая, – пошутил я. Потом вспомнил, что здесь, севернее, такая существует на самом деле, а местность

в районе вчерашнего перевала носит название каменной горной пустыни.

А солнце, и правда, сегодня раскошегарилось не на шутку. В небе ни облачка. Ваня прав: если бы не ветерок с гор, со снежников, плохо бы пришлось. И всё равно...

– Здесь ни солнце, ни тучи не задерживаются надолго, – добавляю вслух. – Как и лето. Длится одна зима.

Спуск с Конгорского перевала в долину реки Макар-Рузь случился по сочащейся между камнями воде, ещё ниже вездеходная дорога превратилась в единый водный поток. По всей долине то тут, то там между островерхими глыбами белеют снежные полосы, а истоки ручьёв местами и вовсе укрыты мощными наледями. В это трудно поверить, но здесь только-только наступила весна, буквально несколько дней назад. Многие растения ещё даже не успели расцвести, они только приходят в себя после зимы, всегда лютой в этих краях. Солнце растопило лишь поверхность суровой земли, тепло ещё не проникло в её мёрзлую глубину, в результате чего и образовались обильные серебрящиеся потоки, стремительно сбегаящие со всех сторон вниз. «С ума сойти», – ослеплённый светом Ваня прикрывает ладонью глаза. Вскоре на пути встретился брошенный вездеход, привставший «звёздочкой» на камень и нацелившийся карабкаться, наверное, в небо, но так и не сумевший больше сдвинуться с места, опустошённый стонущими ветрами, помятый скрипучими морозами, добела раскалённый полуденным солнцем, про-

ржавевший внутри. «Старый романтик, – поприветствовали мы его. – Что, задумал остаться тут навсегда?» Несколькими километрами ниже «романтика» наткнулись на токарный станок, приваренный к железной платформе, на которой его, видимо, притащили, и тоже ржавый. Придумать кличку станку нашему воображению уже было не под силу. Вокруг полно хлама, торчат покорёженные каркасы балков – передвижных геологических домиков. Среди мусора – обложка от справочника «садовода-огородника» и женские туфли. «Чего только в горах Полярного Урала не встретишь», – философски замечаю я.

Комары налетели к вечеру, окружили нас громадной толпой и больше не отставали уже ни на шаг. Откуда только, спрашивается, взялись в горах? Я наблюдаю, как они преследуют моего напарника серым шлейфом длиной метров пять, сохраняя между собой определённую дистанцию, как бы выстроившись в очередь, чтобы «всем хватило». Плотность тучки насекомых пугает. А ведь это только начало... Перед устьем Визувшора, в месте брода, переходим Макар-Рузь, реку уже достаточно крупную. Воды по пояс. Это первая река на нашем маршруте, не считая истоков Соби. Неподалёку от брода брошенная база геологов; громоотвод ещё торчит. Рядом с крайним, обитым толем домиком-баней, под крутым бережком небольшого озера, пестреют кустики можжевельника. Это первая крупная растительность, встреченная с момента нашей высадки с поезда. До зоны леса идти ещё

километров десять, не меньше; на этой широте его граница не поднимается выше двухсот – двухсот пятидесяти метров, мы же пока что крутимся на отметке триста пятьдесят. Горы, увиденные нами вчера и сегодня представляют собой сплошное нагромождение камня и льда как на пологих участках, так и на крутых. О лесе не может быть и речи. Остаётся только радоваться, что мы не оказались здесь в непогоду, когда долина продувается ветрами с Ледовитого океана насквозь. Пришлось бы несладко. Жары нам, правда, тоже уже хватило, на себе ощутили, что это за штука такая! На территории геологического лагеря сразу же бросаем рюкзаки, забегаем в один из домов и захлопываем за собой дверь, оставляя комаров гудеть снаружи – переводим дух. Тут же решаем и заночевать, располагаясь на оставленных геологами железных кроватях. Квартирный вопрос для бродяги никогда не стоит!

Утром с погодой начинает твориться уже что-то недоброе. Я смотрю в небо и не верю своим глазам. Третий день светит солнце и одна густая строгая синь. На Урале я в четвёртый раз, но такое здесь вижу впервые. Сегодня даже ветерка нет – наверное, остался резвиться за вчерашним бугром. Значит, будет ещё жарче, чем вчера. Выбравшись обратно на большую дорогу, следуем по ней вдоль цвета сапфира озера, пройти мимо которого мы не в силах – так и хочется искупаться! По водной поверхности, ближе к берегу, дрейфуют льды – миниатюрные айсберги, кажущиеся на фоне отдалённого берега настоящими гигантами. Ну как не проплыть ря-

дом с ними? И мы устремляемся в иссиня-зеленую глубину. От ледяной воды темнеет в глазах, как угорелые выскакиваем оттуда на снежник. Снег обжигает ступни, не позволяет даже ходить по нему и уж тем более стоять. Второй раз нырять уже страшно до слёз! Дальше в долине реки встречаются и другие подобные этому озёра, разного размера и формы, но купаться мы больше не отчаивались. Интересно, что некоторые из водоёмов располагаются на несколько метров выше уровня реки. Я даже специально разок спустился к реке посмотреть так ли это, не является ли понижение простым обманом зрения. Оказалось, что нет.

Ближе к обеду опять прилетели комары, чтобы дальше, как уже повелось, не отставать ни на шаг. Всё, больше не искупаешься – мигом сожрут! Вскоре Макар-Рузь вошла в равномерный скалистый каньон, а мы полезли на сопку огибать это нехитрое препятствие по россыпям остроугольных глыб – по курумам. Стали попадаться отдельно стоящие лиственницы, началось красивое редколесье, местами украшенное проглядывающими из-за верхушек реденьких деревьев скалами. Через километр после каньона дорога раздвоилась, и мы пошли на восток в сторону другой реки, находящейся за водоразделом. Но рано было радоваться этой новой, существующей и ведущей в нужном нам направлении дороге. Вездеходная полоса, прорывающаяся через топкие, изредка перечёркнутые лоскутами ольхового кустарника низины, надолго обратила последние в месиво из торфа и грязи. Мы

изрядно попотели прежде, чем добрались до виднеющегося участка леса, который оказался местами ещё укрыт снежным настом, оставшимся с зимы. После этого дорога черкнула в сопку, потом сразу упала вниз, где опять упёрлась в болота, и снова почти два километра мы были вынуждены хлюпать по жиже. Наконец с крутого, забитого ольховником склона, нашим разморённым, помутнившимся от комариного нашествия взорам открылась долгожданная речка Степрузь! На её каменистом берегу мы и устроили заслуженный послеобеденный отдых.

– Ну вот, – громко заверяю я товарища, отплеываясь от насекомых, которых даже дым плохо отпугивает, – Одну десятую часть расстояния до Кожыма уже прошли.

Вторая половина дня была посвящена переходу в долину реки Большая Хараматолоу. Здесь нам опять повезло – была дорога. Но на водоразделе в виде чаши с озером, окружённом вплотную подступившими горами, нас поджидало очередное тундровое болото. Справа подбирается вода, слева – наваливаются крупные камни и торчат заросли горного леса, мы же пытаемся не утонуть где-то посередине. Один раз я недостаточно прижался к скользкой обочине, побоявшись повредить о кусты драгоценный накомарник, и тут же провалился по пояс – хорошо успел вовремя ухватиться за торчащие ветки и выбраться с помощью них. Иван, видя такое дело, накомарник предусмотрительно снял, и комары тут же набросились на него. Впереди, за изгибом разъезженной

вездеходной «дороги», показались очередные топи – делать нечего, Ваня в отчаянии зачерпывает рукой грязь и растирает её по лицу, шее, рукам и, прижав к груди накомарник, как нечто святое, продолжает свой трудный путь. Я наблюдаю за его героическим продвижением, сопровождающимся чавканьем грязи под ногами: взлохмаченный вид моего напарника испугает сейчас кого угодно. Но вот, впереди близится конец нашим мучениям – болото выклинивается, дорога поднимается на пригорок и сворачивает в лес. Выбравшись на твёрдую землю мы быстро набрали темп, как будто хотели скорее уйти прочь от гиблого места, и через километр густого, сначала лиственничного, потом елового леса вышли к берегам Большой Хараматолоу неподалёку от её слияния с Малой – на юго-восточную окраину гор Собского массива. С ходу стали переходить эту крупную реку, разливающуюся в месте брода метров на сто, и поэтому мелкую. За ней выбирали место для стоянки, где больше дров. Вокруг берёзы, рябины, птицы поют – настоящий лес! Но комары не дают разгуляться, быстро загоняют в палатку. Поэтому на ночь даже не умывались. С Ивана комками сыплется грязь, от него веет тиной.

– Это был полный «ку», – заявляет он.

– Где это ты научился, – говорю, – грязевые ванны принимать?

– По телевизору индейцев показывали... Сам то что, лучше что ли? Всего третий день путешествия, а во что мы уже

успели превратиться?!

– Мамы нас теперь не узнают, – смеюсь я.

Дорога в никуда

Временные рамки нарушены. Мы пришли в эти горы только вчера, а кажется, что находимся здесь уже целую вечность. Разбудила жара, выгнала на реку купаться – прогонять сон. Состояние организма вялое, он ещё только приспосабливается к новым жизненным условиям. Но есть уже совсем не хочется. Да и нечем себя побаловать – рыбы в реке нет.

Четвёртый ходовой день ознаменовался появлением мошки – маленького, невинного на вид насекомого, способного мощными челюстями, видными только под микроскопом, в момент разгрызть кожу человека. Десятка с три мошек закружилось вокруг каждого из нас, как только мы высунули облезлые от загара носы из палатки.

– Этого ещё не хватало, – ворчанием прокомментировал её появление Ваня, выскрёбывая из миски остатки скудного пайка. Он хоть и умылся, но вчерашняя грязь продолжала, уже как нечто само собой разумеющееся, красоваться на нём.

– Если будет также жарко, гнус ещё наплодится, – самым благодушным тоном комментирую я, как всегда расположенный поболтать. Настроение отличное: мошки, комары – чёрт с ними, ощущение свободы на фоне нетронутых человеком красот перекрывает всё...

– Типун тебе на язык!

От Большой Хараматолоу до Малой около трёх километров, продолжающаяся вездеходная дорога и здесь ведёт местами по болотам. На подходе к Малой Хараматолоу количество мошки увеличилось, а после брода за рекой почему-то сразу спало. Дальше дорога форсировала реку неоднократно, количество мошки то нарастало, то резко уменьшалось опять. В одном месте переходить Хараматолоу в очередной раз не стали, а «мило» прогулялись по скалам до следующего брода. Иван чуть замешкался, и мошка в миг разъела ему живот до крови. Я как увидел – сам испугался, а ведь с подобной «причудой природы» уже имел дело. Мошка любит мягкие места, поэтому лезет куда ни попадя и грызёт. Ранки начинают сочиться, в результате чего места укусов выглядят страшно, а смешиваясь с потом вдобавок непрерывно чешутся. Чтобы ничего подобного не случилось, пояс всегда надо туго подвязывать, иметь высокий ворот верхней одежды, например водолазки, под горло затягиваемый накомарник и длинные рукава с резинкой, – одним словом, выглядеть как пчеловод. Руки смазываются репеллентом. Слава богу, мы заранее это продумали, и всё у нас было. Сложись иначе, и трудно было бы даже предугадать исход начального этапа нашего путешествия.

Обогнув скалы, вездеходка повела по реке, по камням, всё прямо и прямо – чётко на юг. Здесь тоже местами лежит снег, но он быстро тает – это угадывается по освобождённым от него участкам, только подающим признаки растительной

жизни. Интересно наблюдать рыхлый снег и рядом с ним яркие «клумбочки» жёлтых, сиреневых, красных цветов... Минуем несколько крупных плёсов, я пробую рыбачить – безрезультатно. Зато, приноровившись, сбиваю шестом речную крачку, с криком «к-киррр» пикирующую на нас. В стороне от последнего брода через реку, из редколесья, лукаво выглядывают на дорогу останцы – отдельно торчащие скалы, образованные тысячеletними процессами выветривания более слабых по сравнению с ними пород. Мимо этой достопримечательности настоящие путешественники, конечно же, пройти не в силах. Рюкзаки остаются чернеть на дороге, а мы, высоко поднимая ноги (ну прямо как олени) поднимаемся от реки вверх по невысокому склону, утонувшему в глянцево́й зелени карликовой берёзки. Наверху его, в окружении десятка развороченных глыб, нас и встречает группа останцев неопределённых, навивающих самые разные мысли, форм; а поодаль от неё в виде стеноподобного, единого к основанию монолита, топорщится ещё одна. Впечатление фантастическое! Овальные наклонные плиты, будто отполированные, вытянутые вверх, напоминают эскизы инопланетных космических кораблей из красочно оформленных сборников фантастики, другие, громоздящиеся друг на друге, подобны уродски состряпанному пирогу с пережжёнными, почерневшими, покорежившимися коржами. Фотографированию мешают комары, которых со стороны заходящего солнца почему-то летит всегда больше.

Насекомые так и не оставляют в покое наши измождённые жарою тела. Дело к вечеру, у них это время ужина, час «пик». Мошка, к счастью, исчезла. Быстро осмотрев достопримечательности, спускаемся обратно к реке. Пока ходили туда-обратно, а это заняло не больше часа, пить захотелось нестерпимо. Я отцепил кружку, болтающуюся у меня на рюкзаке специально для таких случаев, а то и вообще иной раз прикреплённую к поясу, и мы прильнули к воде. Замечаю, что вот уже который раз, не раздумывая, черпаю водицу из первой же подвернувшейся канавы, и чувствую себя отлично – никаких сомнений придорожные лужицы не вызывают. Быстро приспособились! Прогресс налицо.

От брода дорога снова стелется вдоль реки по маревым болотам. Утомлённые жарой и комариными тучами, встаём на ночлег. У одинокой, экзотически изогнутой ветрами лиственницы, роняющей смолистые слёзы, на возвышении с видом на реку, обновляем старое кострище. Обычно стараешься, чтобы костёр поменьше дымил, а здесь наоборот, я стал заваливать мгновенно вспыхнувшие от сухости ветки разным трухлявым хламом, какой только попадался под скорую руку, в надежде спастись от комариных полчищ, – только потом, собравшись с новыми силами, насторожил котелок. В меню на ужин – крачковый суп.

– Какой ужас! Сволочи! – негодует чуть погодя Иван, похрустывая косточками бедной птички. Из глаз его катятся слёзы: он ест и плачет, плачет и продолжает есть. Всё также

вздохмаченный, с серыми кругами под глазами, он то появляется в дыму, то исчезает, как призрак. Я сижу всего в трёх шагах, и временами не вижу его совсем. – Даже пожать спокойно не дадут! Здесь дым, там эти проклятые комары...

Да, тяжело. Жара и эти пикирующие кровососы выматывают не меньше, чем длительные переходы или подъёмы. Неудивительно, что сегодня прошли всего двенадцать километров.

С заходом солнца основная армия комаров разлетелась. Остались самые воинственные, но и этих ещё было предостаточно. После чая отступили с «линии фронта» в палатку. Благо, у нас есть с собой таблетки «Фумитокс», целых двадцать штук. Мы поджигаем одну и тушим, от чего та начинает дымить, заставляя насекомых биться в смертельных конвульсиях. Сегодня это уже радостное зрелище. Хочется позлорадствовать – запустить под полог новую партию насекомых и произвести ещё одну экзекуцию. Я невольно задумался... О том, как люди путешествовали раньше, когда не то что о «Фумитоксе», но и о пенициллине, и полиэтилене не было даже речи. Сегодняшнему бродяге дана уникальная возможность реализовывать свои замыслы, порой самые безрассудные. Поезд или самолет в мгновение ока уносят тебя на край света, современные материалы и изготовленные из них предметы помогают выживать в самых невообразимых условиях, а емкость для воды легко изготавливается не из специально отобранной бересты, а из любой консервной

банки, найденной на обочине. И если в 1927 году известному исследователю Печорского края А.А.Чернову на осуществление геологического маршрута в предгорья Приполярного Урала, по реке Кожым, до устья Лимбекою, где пешком, где на вёслах, понадобился, ни много ни мало, весь сезон – с июня по сентябрь, и это была целая экспедиция, то сегодня до вышеупомянутого устья можно смело добраться от Москвы дней за пять не особо задумываясь о последствиях. Остаётся только удивляться, как многие современные люди, располагая такими горизонтами возможностей, остаются равнодушными к духу естествоиспытателя. Вокруг столько безучастных к состоянию природы, ленивых, избалованных цивилизацией, озабоченных только насущными проблемами людей, которым телевизионный экран заменяет небо, что мне в иной раз становится страшно, в каком диком мире я живу. По сравнению с ним самая глухая тайга, какой бы чёрной или горелой она ни была, полна загадок и тайн. Человек, на мой взгляд, сильно уподобляется цивилизации, если не сказать больше... Вопреки природному благозвучию люди выстроили мир, в котором ненавидеть легче, чем любить, а быть бесчувственным и жестоким становится всё более необходимо, чтобы элементарно выжить. И чтобы не потеряться в этом бесчувственном мире, сохранить данную изначально гармонию души, не озлобиться и с отрадой в сердце, достойно идти по Земле, необходимо больше не делать, а понимать... Чтобы быть здоровым и счастливым, человек

должен чувствовать себя в высшей степени свободным, и в первую очередь – стремиться к единству с природой, жить ярко и красиво, избегая однообразия и циклично повторяющихся событий, не бояться быть самим собой... Такой вариант жизнедеятельности наиболее естественный, данный самой же природой – вспомните свои детские прогулки во дворе и за пределами его. Человек становится человеком, когда перестаёт быть рабом, а мир людей порождает именно рабов – здесь ценится человек исполнительный и пунктуальный, имеющий «свободу», да и то относительную, никак не более двадцати четырёх дней в году. И это райские плоды цивилизации, посланные нам фантастами? Не одно десятилетие прогресс набирает темпы, стремясь к улучшению качества жизни, а личность и по сей день пребывает в кабале. Её рабская зависимость никак не изменилась, только предстала в другой, менее очевидной и более изощрённой форме, сменив «помещика» на «олигарха», а «крепостное право» на «долгосрочный кредит».

«Ну и денёк», – прервал Ваня поток моих мыслей, пожелав таким образом «спокойной ночи». Комары, облепив стенку палатки, собрались в живой узор, в котором время от времени проскальзывали для моего утомлённого воображения знаки апокалипсического значения, и продолжали монотонно гудеть. Почему-то вспомнилась старое китайское изречение: «Дао говорит нам – тому, кто умеет ждать, является всё». Осталось только узнать, каким оно будет, это «завтра».

Напившись крепкого чая, я теперь не мог быстро заснуть, поэтому некоторое время лежал, пытаясь различить шум реки «за окном», и думал, какую роль душа и физическое тело играют по отношению друг к другу, но так и не успел этого понять.

Только утром я понял, до какой степени дух мой слаб и несовершенен по сравнению с телом – вылезать на божий свет не хотелось, как ни крути. Комаров вокруг палатки собралось – пропасть, и мне буквально пришлось выгонять себя наружу. Пока выскакивал и бежал к вчерашнему костру, а это метрах в десяти от входа, успел почувствовать несколько ярких укусов. Прямо как в пословице «больше двигаешься – дольше живёшь». Но самым сложным было подносить и держать спичку в растопке: пока это делал, проклятые «звери» залепили мне всё лицо. От сопровождающих возжигание огня чертыханий и комаров, успевших «наведаться в гости», пока я выскакивал наружу, пробудился Иван. Я услышал его тяжкие вздохи.

Небо и сегодня без облаков. К солнцу, надо сказать, мы уже начали привыкать. Пока ютились у костра в ожидании скромной порции сладкой рисовой каши, оно совсем поднялось – здесь это происходит часам к восьми утра, и количество комаров к этому времени заметно возросло. «Всё, – обречённо подумалось мне. – Наступает самое комариное время». Завтракаем, собираем вещи и уходим по вездеходной дороге дальше, вдоль северной стороны низкой холми-

стой гряды, вплотную подступившей к основному хребту. Эта гряда, крытая лесом, точно рваными лоскутами, пере-кликающимися с болотинами и озёрами, простирается до самой Оби и имеет собственное название: Гряда Малый Урал. Пожалуй, это единственный безопасный и более-менее лишённый заболоченной, низовой тайги выход на Обь.

Вскоре низина заканчивается, дорога поднимается в сопку, неожиданно начинает вести лиственничным редколесьем по низкогорью, оставляя реку шуметь в стороне. Под ногами нет и признака болот – только сухая каменистая почва. Лишь в одном месте, в районе озера Оник-Ты, мы выходим к болоту, но и его вездеходка старательно обходит стороной, задевая лишь край, и край этот, представляющий собою разъезженные канавы, на удивление тоже оказывается сухим. Там, где повыше, сильная засуха уже даёт о себе знать.

Вскоре мы покидаем зону леса, и дорога устремляется к бесконечным тундровым просторам, выносит нас на пологий водораздел между реками Малая Хараматолоу и Бур-Хойла. Отсюда уже видны призрачные контуры гор Пятиречья. В течение полутора часов интенсивной ходьбы в сторону этих гор по раскалённой, дышащей жарой елани¹, мы не встречаем ни капли воды: всё, даже ямы – сухое. Когда выходим, наконец, к ручью – притоку Бур-Хойлы, я уже не в состоянии себя сдержать. Как есть, только скинув ненавистные сапоги,

---

¹ Елани – отлогие предгорья или поляны, безлесные или редко облесённые. – *Прим. авт.*

падаю в воду и лежу, пью, пью, пью... Жара такая, что даже после столь радикального метода борьбы с ней полностью мокрая одежда на тебе высыхает минут за пятнадцать.

К середине дня дорога приводит нас к реке Бур-Хойле – широкому потоку, русло которого украшено красно-бурыми метровыми валунами. Даже сейчас, в небольшую воду, без страховки какой-нибудь палкой, пересекать эту реку с грузом за плечами опасно. Оступись, и ты окажешься сразу в воде, которая в следующий миг тебя уже «понесёт». Вот чем чревата непогода: реки, даже небольшие, всего то в несколько метров шириной при нормальном уровне воды, быстро разливаются, а при продолжительных дождях становятся клокочущими рыжими потоками – вода поднимается и вдвое, и втрое, а на Курилах и в семь раз. Течение тащит по дну большие камни, удары друг о друга которых хорошо слышны, и тогда нечего и думать о переправе, приходится ждать день, два, пока вода спадёт, или уходить в верховья искать удобное место брода там. Всё это, конечно же, требует времени и продуктовых запасов, поэтому я и рассчитывал, ориентируясь на непогоду, уложить путешествие, которое по-хорошему можно реализовать недели за две с половиной – три, в месяц. Учитывая такие перспективы можно смело заключить, что пока с комарами – это нам даже везёт. На крайний случай – время продолжительных дождей, – у нас припасена верёвка, использование которой наивно подразумевает пересечение бурных рек со страховкой... Наде-

юсь, эти двадцать метров не понадобятся.

В горах есть одно правило: если встаёшь на ночлег, по мере возможности не делай это перед рекой, которую тебе предстоит пересечь. Погода в горах явление капризное, за пару часов она может измениться до противоположной, особенно на отрогах Полярного и Приполярного Урала, где выпадает до полутора тысяч миллиметров осадков в год. Поэтому, не задерживаясь, переходим Бур-Хойлу и только потом останавливаемся на коротком рубчике травы между зарослями карликовой берёзки и рекой – только здесь можно было поставить палатку. Таким образом, оказываемся на краю местности, имеющей название урочище Хойла-Ди – на своеобразном, значительном по площади «острове», омываемом с двух сторон всё той же Бур-Хойлой, одно из русел которой мы только что перешли, а до второго ещё предстоит пройти около километра. Леса в округе нет, высота – двести пятьдесят метров над уровнем моря. Неподалёку торчит всего одно деревце, и больше взгляд ни на чем не задерживается – местность свободно просматривается во все стороны. Костёр топим высохшими кустиками берёзки, измусоленными и перекрученными половодьем, сохраняя общий тонус методом «мокрой одежды»: пока с тебя течёт в три ручья, комары не сильно кусают. По плану у нас задуман осмотр красивого ущелья в верховьях реки Лёкхойлы и восхождение на Пайер – высшую точку Полярного Урала с отметкой 1499 метров. Решаем начать это маленькое предприятие ближе к закату,

когда солнце в небе уже не будет палить так нещадно, а до этого времени отправляемся к очередным останцам, красующимся на юго-востоке. До них от лагеря около километра.

Честно говоря, я обожаю останцы даже может быть больше, чем сами горные вершины. Они для меня – горы в миниатюре. Никогда не повторяются, что делает путешествие к ним захватывающим. Направляясь к останцам, я всегда уверен, что увижу нечто необычайное. Поэтому стараюсь их не пропускать. Каждое посещение этих геологических памятников очаровывает. Так случилось и на этот раз – останцы были похожи на грибы неправильной формы, вершинки которых обветрены ступенчато или закручены спирально. Мы разложили дымокур из «початков» хрустящего, как печенье, мха, и некоторое время осматривали и фотографировали группу с разных сторон, то и дело прячась от насекомых в дыму, а потом прошли ещё дальше, метров на двести вперёд, к ярко выраженному каменному «грибу», на вид – типичному боровику, правда, двухметрового роста, и только после этого повернули обратно. Интересно, что под одним из останцев мы обнаружили углубление от костра – кто-то здесь, на продуваемой со всех сторон тундре, хоронился от непогоды, прижимаясь вплотную к холодной каменной стене. Сегодня нам это кажется весьма необычным, даже забавным.

В лагерь возвращались другим путём. От останцев сразу спустились к Бурхойле и стали подниматься вдоль неё. На

всякий случай я прихватил с собой спиннинг, и как же обрадовался, когда наткнулся на плёс с охотящимся за комарами – играющим хариусом. Через пять минут мы уже были с рыбой, но больше так ни одной и не попало, как только я не мучил блесну.

Приятно поужинав в лагере и отдохнув часика два, дождавшись, пока комары хотя бы немного рассосутся, мы вышли в сторону Пайера. До него по прямой от лагеря семнадцать километров.

О, это оказался непростой отрезок путешествия! Сначала мы несколько километров поднимались по горной тундре до пасти широкого ущелья – крупного озера с расположенным по другую его сторону одиноким балком, – откуда начинает грозно шуметь Лёкхойла. Затем началось скопление морен с обледенелыми озерами между ними – здесь мы старались передвигаться по снежникам. Запомнилось несколько впечатляющих картин: оставленная позади тундра – переливчатые, дугообразные зеленовато-рыжие полосы, стремящиеся, припадая низко к земле, слиться в одно целое к горизонту; водоём с торчащими оттуда глыбами льда и каменная «дорога» между двух озёр, временами прерываемая узкими промоинами. На тринадцатом километре от лагеря путь затруднился россыпями камней и ставшим ощутимее подъёмом. На этом участке мы долго пробирались вдоль илометрового по протяжённости озера, противоположный берег которого крут и обрывист. В озере залегают тёмными чудовищами ледяные

напластования, а поверхность водоёма тревожно позвякивает множеством скопившейся на ней ледяных сосуллек. Ближе к концу озера края ущелья заметно придвинулись, вплотную нависли над нашими головами, и с очередной «площадки» отрылась дорога на восхождение – гряда, сочащаяся потоками, устеленная скальными плитами и хаотично утыканная башнеобразными выходами коренных пород, в целом подобная гигантской разрушенной ступени, предваряющей путь в неизведанное. На вершине этой ступени нас встретило ещё одно озеро, суровое и грандиозное, опоясанное скалами. Из воды поднимаются крупные камни, по поверхности дрейфуют глыбы льда, упавшие с высоты, а ещё выше, над густой свинцовой гладью, взметнулась ввысь восьмисотметровая стреловидная стена Пайера, по которой, начиная от самой вершины и заканчивая озёрной поверхностью, протянулся гигантский снежник с трещиной посередине, подобный распластанной шкуре змеи, обвившей и стиснувшей скалу. К стене примыкает гряда, поджимающая озеро с запада и преграждающая дальнейший путь. Она – горная граница Европа – Азия, наша следующая точка отсчёта. Вид гряды неутешителен – впереди сплошная полоса рыжих уступов, куртина снежника через неё и выше всей этой головокружительной картины – россыпи гигантских глыб по жутковатого вида склону. Другой конец гряды упирается в противоположную сторону ущелья и сразу же становится неприступным. Да, окидывая взглядом окружающий ландшафт, можно

смело сказать, что суровее места на Урале я ещё не видел. Даже с ландшафтами Приполярно-Уральской Долины Смерти не сравнить. Где-нибудь на Тянь-Шане, в Забайкалье или Камчатке познакомиться с подобным пейзажем не составляет труда, но здесь... Не думал, что такое возможно.

Первое впечатление было, что всё – это предел, и дальше дороги нет. Подъём к границе без специального снаряжения осуществлять не столько тяжело, сколько опасно. Но всё же, после краткого раздумья мы решили хотя бы попробовать. Сначала попытались отыскать наиболее безопасный путь наверх. Таковым решено было считать снежник. При близком знакомстве с ним выяснилось, что снег на его поверхности рыхлый. Тогда мы стали утаптывать каждый свой шаг и таким образом продвигаться по снежнику наискось вверх, намереваясь выйти к более пологому месту выше скальных уступов. Шли след в след. Вниз решил не смотреть – одно неверное движение, и уже не затормозишь... Мелькнула мысль: «А пока будешь набирать скорость, успеешь представить, как тебя разможит о камни». Но вот препятствие преодолено. Дальнейший подъём по круто наклонным глыбам, вынуждающий материться и отдыхать через каждый десяток метров, привёл нас на долгожданную границу с Европой – узкий гребень, разделяющий азиатскую и европейскую части Урала.

Наверху наконец-то перевели дух. Всю дорогу, от лагеря и до самой границы, нас сопровождали вездесущие комары.

Теперь, наконец, порывистый ветер мгновенно сдул их обратно в Азию, и мы могли позволить себе роскошь сдёрнуть душные накомарники. Сидеть на краю пропасти и обозревать подуставшим взглядом бескрайние пространства Европы оказалось бесконечно приятно. Ещё немного, и я, залюбовавшись на синеющую вереницу озёр, умиротворённо заснул бы прямо здесь, на высоте 941 м, неподалёку от границы Северного полярного круга. О дальнейшем подъёме на вершину Пайера не могло быть и речи. Во-первых, крутой склон стрелообразной стены без специального снаряжения почти непреодолим и связан с серьёзным риском для жизни – теперь это стало очевидно, а во-вторых, мы смертельно устали за эту ночь и предыдущий день. Была бы накидка, в которую можно завернуться, спрятаться от ветра и стылых камней, я бы ей-богу сейчас заснул – так вдруг захотелось прилечь. Отдыхать же на азиатском, безветренном склоне, где тебя поджидают «любимые» комары, тем более было невозможно. Поэтому мы просто решили сидеть, привалившись к камням, изучая краем глаза Европу и дожидаться восхода солнца, чтобы отправиться в обратный путь.

Так прошло, наверное, около часа. Вот уже солнце показалось из-за гряды, но долгожданного тепла мы так и не почувствовали. Даже в хорошую погоду и при слабом ветре здесь наверху всегда остаётся прохладно. Но всё же, за этот короткий промежуток времени мы сумели отдохнуть, скушав по горсточке орехов, размякнув, потянувшись и помассировав

затёкшие от усталости ноги (последнее всегда желательно делать, чтобы кровь размывала химические вещества, скапливающиеся в мышечных тканях во время сильных нагрузок). Теперь нам предстоял не менее сложный путь вниз – ведь известно, что спуск бывает тяжелее подъёма, – и тут я невольно задался вопросом: зачем они нужны, такие вот путешествия? Один неосторожный шаг, и жизнь потухнет как свеча. Бывают ситуации, когда всё хочется послать к такой далёкой матери, что самого тошнит от разрывающей злости, которая так и норовит стать твоим единственным другом, тем не менее, помогая не потерять контроля над собой, не растерять бдительность в ситуации. Но потом, когда приключения заканчиваются, всё начинается заново – с нахлынувшими воспоминаниями ты чётко представляешь картину, *как это было*, и твой взгляд снова незаметно обращается к распахнутому настежь окну. Почему так? Что со мной каждый раз происходит? Что заставляет покидать домашний уют, действовать вопреки житейской логике и чувству самосохранения? Мне же ничего не нужно: ни достижений, ни наград, и с материальной точки зрения я в путешествии не выгадываю, а только теряю. Но всё равно, каждый раз что-то толкает меня вперёд, как преступника на преступление, предлагая вкладывать силы и средства в эти безумства... Да, я болен. Заражён вирусом любопытства, маниакальной тягой к новым местам, хронической любознательностью. Мне всегда хочется, чтобы жизнь не проходила бесследно, чтобы она касалась

меня взмахами своих крыльев, или хотя бы на миг накрывала краем тени от одного из них до такой степени мечтательного торжества, чтобы я мог чувствовать её дуновение лицом, затылком – всем телом, до мурашек по коже в реальности... И я готов все жизненные силы посвящать этому. Смотря же на других людей, даже своих друзей, я начинаю понимать, что и в самом деле болен, ибо многие предпочитают вести совсем иной образ жизни, ориентируясь на некое «большинство», как и нужно, наверное, жить, чтобы «жить правильно». И единственное, что меня успокаивает, так это тот факт, что именно такими же больными людьми, как я сам, всегда и познавался этот мир – отчаянными путешественниками, геологами по призванию, фанатиками науки, страстными любителями искусства и просто отдельными увлечёнными личностями... Эти безоговорочно преданные делу люди совершали грандиозные открытия; именно благодаря им прогресс человечества набирал темпы. Но славные имена большинства из первооткрывателей исчезли в забвении (как изобретатели лука или гончарного круга, например) а сами носители их, отдавая себя делу сполна, нередко умирали в нищете, даже не вкусив плодов своих трудов, в гонении, без признания. Как Кулибин, например. Или Иван Иванович Ползунов – изобретатель, впервые удачно применивший работу пара с непрерывным действием машины (поэтому можно сказать что первооткрыватель), подорвавший своё здоровье ради идеи – могила изобретателя ныне даже неизвестна...

Это грустная правда, молчаливая и тяжёлая: задают темпы одни, а направляют развитие цивилизации и получают с этого прибыль совсем другие, прямо скажем – менее одарённые люди. Почему мир так устроен – для меня ещё одна, куда большая, чем я сам, несравнимая ни с чем загадка, и её то я и силюсь, видимо, разузнать, скитаясь по этой загадочной Земле. Возможно, это понимание и вовсе недоступно человеческому разумению, умеющему проникать в недра земной коры, в глубь океанов, но не способному представлять все связи, окружающие его, единым целым, ибо для этого нужен поистине космический опыт тысячелетий, и тогда дорога, по которой я иду, это время горящей спички во тьме – дорога в никуда. Но даже если это так, я не стану отчаиваться. Человек является в этот мир совсем пустым, обнажённый телом и душой, приходит как гость, поэтому ничего не случится, если он и покинет этот мир точно таким же, сознательно не оставив следа. Просто человек каждый раз забывает, что кроме драгоценного времени жизни ему терять всегда нечего... Вот потому и иду я куда глаза глядят, не способный постичь сполна, но чувствуя высокую степень свободы, сравнимую разве что с первым полётом птенца, когда впервые становится видно далеко-далеко. *Икар и его поэзия...*

Мне снится твой образ, его я во всём
Увидеть готов, окрыляясь при этом.
Я помню и думаю только о нём,
Вершине творения жизни и света.

Чертоги слепящих лазурных небес!
Туда! Нет уж сил больше здесь оставаться!
Я умер когда-то и снова воскрес,
И «новое» с «прошлым» так сильно разнятся!

Вперёд же, вперёд! Ничего позади!
И ветер, волной вознося, помогает.
На крыльях прекрасного, в каплях любви,
Всё ближе и ближе так солнце сверкает!

– Готов?

– Пошли.

И мы начинаем наш тяжёлый спуск.

На грани возможного

Сначала – прыжки по знакомым глыбам. Если на пути вверх карабкались по высоким избитым трещинами ступеням, то теперь постоянная опасность потерять устойчивость на глыбе или узких осыпях вынуждала нас приседать, постоянно страховаться руками и двигаться почти ползком. В результате спуск занял времени в два раза больше, чем подъём. Дно ущелья, слегка наклонное, медленно приближалось, ледяная озерная чаша, чуть опрокинута, утонувшая в гигантской тени громады Пайера, постепенно росла, ширилась заполнить собой всё пространство внизу, пока, наконец, мы не увидели тот самый опасный снежник и с радостью не поняли, что благополучно вышли к нему. Даже сейчас, при солнце и отличной видимости здесь по-прежнему сохраняется возможность потерять направление движения за нагромождениями каменных глыб, где в иной раз и товарища то не видно, и случайно выйти на опасные скалы. Добравшись до края снежника, решили больше не рисковать и по нему не возвращаться, а поискать путь среди скал. Таковой, как ни странно, нашёлся, скорее всего – единственно возможный. Мы последовали им, зигзагообразно маневрируя между трёхметровыми стенками, и на этом завершили тяжёлый приграничный участок, благополучно спустились к озеру. На хребте не было ни капли воды, вместо неё жадно глотали обжигающий

гортань снег и только теперь смогли сполна отвести душу и вдоволь напиться, припадая к воде через каждые несколько минут, едва успевая отдышаться. Почему некоторое время и сидели на береговых камнях сказочного водоёма, наблюдая за осколками льда, выступающими из его свинцовой поверхности. Вода оказалась на вкус необычной, с легкой минерализацией. Ко времени нашего прихода к берегам озера камни задышали жарой – здесь, внизу, по-прежнему не было ни ветерка, одна мировая тишина. Пока отдыхали, мне пришла в голову мысль искупаться в сказочном водоёме, поплавать, зацепившись рукою за лёд, что тут же и было воплощено. Вода полыхнула и обожгла, дыхание зашлось, но тело в миг перестало быть рыхлым, мышцы налились упругостью, и под аплодисменты горного эха я выскочил на берег как заново родившись.

Дальнейший путь вниз по долине протекал молча и как бы во сне. Озёра, камни, снег – всё непрерывно чередовалось, дорога тянулась бесконечно. Со светом солнца, полностью озарившим ущелье, местность сильно преобразилась: серо-стальные озёра заголубели, пепельного оттенка снег стал ослепительно белым, камни окрасились в гамму красно-бурых тонов. Кристаллы льда, покрывающие поверхность вытянувшегося вдоль борта ущелья километрового озера, всё так же волшебным образом позвякивали, когда мы проходили мимо, но теперь ещё и сверкали, будто некие драгоценности... А лёд в озере, доселе малозаметный, ещё не оттаявший, и

потому не отделившийся от дна, предстал окрашенными бутылочно-зелёными, обрывающимися до чёрнильного в глубину, склонами... Любуясь на это, я не мог не зачерпнуть горсть длинных кристаллов и не ощутить их холода на ладони. Сосульки таяли на глазах, и мне было жаль эту простую земную красу. Как и кустики шикши, цветущие нежным розовым цветом, невольно придавливаемые нашими шагами к жёсткой земле. Какую-то трогательность будила во мне суровая красота природы вокруг, большое чувство уважения к каждому проявлению её жизни – зародыш настоящей любви. «Не тронь, – подсказывало сердце, – оно, как и всё, так долго цеплялось корнями из последних сил, ждало момента появиться на свет, а ты...» Я вспомнил убогие растеньица по краям городского асфальта, зачернённые газовыми выхлопами, невежеством изуродованные, к которым мы привыкли относиться без жалости и смысла, и кристаллы выпали из моих рук. «Твоё существование мимолётно, – говорила природа языком аллегорий вот уже несколько дней подряд, – как полёт мотылька. Ты и эти кристаллы льда равны, ты также можешь быть вырван из своего мира незримой рукой. Поэтому не делай ничего напрасно». И я начал понимать, что жизнь в дикой природе – это совсем иная логика построения бытия, чем та, к которой мы с детства приучаемся. Другая, отличная от западноевропейской, философия.

Благодаря игре светотени мы теперь смогли рассмотреть и борта ущелья, по которому шли, узреть его зазубренные,

словно гнилые кости, вершины и скальные трещины многометровой высоты. Разглядывая эти мрачные склоны, я с удивлением подумал о невысокой по сравнению с ними горной границе с Европой, где мы только что побывали. Перепад высот между Пайером и грядой Европа-Азия составляет всего шестьсот метров на расстоянии в один километр. Как могло образоваться такое резкое понижение среди горных высот? Обращаю на это внимание своего спутника, но он остается безучастным. С самых верховьев Ваня отстаёт, мне часто приходится останавливаться и ждать его. Я тоже устал, но всё же нахожу в себе силы бегать фотографировать. Когда поднимались, всю фотосъемку был вынужден отложить «на потом», и вот теперь навёрстываю упущенное, в иной раз даже принуждая себя это делать, потому как знаю, что, скорее всего, больше не увижу этих гор никогда. Каждое мгновение пребывания здесь мне видится самостоятельным произведением, и такое многозначительное отношение к любому происходящему в путешествии моменту присутствует всегда. Жизнь представляется бесценным даром, столь кратким, как будто время сжалось в тугий комок или вдруг резко набрало ход. На фоне недавнего риска и окружающей суровости это выглядит до такой степени невозможным, что вынуждает усомниться в человеческой системе ценностей: а всё ли люди понимают правильно и вообще знают ли, где она, золотая середина? Не в центре же супермаркета, в самом деле!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.